

С.С. Неретина, С.А. Никольский, В.Н. Порус. **Философская антропология Андрея Платонова** / Отв. ред. С.А. Никольский. М.: ИФРАН, 2019. 236 с.

Эта коллективная монография столь же многопланова, как и литературное наследие Андрея Платонова, органично соединившего художественное творчество, предвосхитившее эстетику модерна, с философским видением мира. Главный вектор предпринятого авторами исследования связан с безусловно удавшейся попыткой ответить на вопрос, какое влияние оказали советский опыт социалистического строительства 20–30-х гг. XX в. и отечественная литература этого времени на философскую антропологию как дисциплинарную отрасль философского знания. Обращение к прозе А. Платонова (роман «Чевенгур», повести «Котлован», «Ювенильное море», «Джан», рассказы «Усомнившийся Макар», «Жажда нищего», «Уля», «Потомки солнца» и др.) определило проблемное поле исследовательского интереса авторов. Объектом осмысления был выбран социально-культурный излом, внутри которого оказался человек в ходе катастрофического разрушения привычного для него образа жизни во имя реализации коммунистической идеи. В творчестве писателя эта ситуация соотнесена с тотальным подчинением жизни всех и каждого построению будущего общества – не во всех его очертаниях и составляющих (окончательное решение этой задачи всеми мыслилось целью не для одного поколения), а на этапе подготовки его фундамента.

Этот процесс, принимая разные социально-культурные конфигурации в зависимости от сюжетной канвы произведения, предстает единственным жизненным пространством для его участников, обрекая на жизнь «в пустоте», лишаящей их и социальной, и индивидуальной идентификации, на существование как «прочих» – тех, кого не волнует ни жизнь, которой они живут, ни смерть, которая им уготована, потому что для них по сути нет различия между ними. Платонов, как справедливо отмечает С.А. Никольский, увидел зарождение этого феномена в его истоках много раньше того времени, когда он приобрел угрожающие масштабы, и много раньше других, задумавшихся о его сути. Для авторов книги платоновское видение ситуации через призму социалистического строительства стало не только знаковым, но и объясняющим, почему мыслительным, эмоциональным и психологическим стержнем всей прозы писателя являются постоянные предчувствия и размышления его героев и целого народа о смерти, а переживание этого состояния – константой

мироощущения, разрушающего каждого физически и духовно, превращающего в «тело без головы» (см.: С.С. Неретина, глава «Мыслить Платонова: телега смерти», с. 11–74). Глубина и психологическая точность описаний подобных состояний человека и его отношений с внешним миром, воспринимаемым им одновременно «своим» и «чужим», дают основание, считают авторы, говорить о Платонове как о *философствующем писателе*, творчество которого вообрало в себя жизненную правду, а художественное слово приобрело значимость философской истины. Более того, по мнению авторов книги, с его прозой связан четко фиксируемый поворот отечественной литературы к философской антропологии, основанием которой становится «пограничная ситуация», рождаемая жизнью человека в нечеловеческих условиях (см.: В.Н. Порус, глава «Два сошествия в ад: Андрей Платонов и Варлам Шаламов, с. 175–229). Проза А. Платонова, как пишет В.Н. Порус, обозначила «рубеж, с которого должен начаться новый путь философской антропологии» и перейдя который «она уже не может быть прежней. Реальность земного ада станет ее пробным камнем» (с. 228).

Проложенный писателем путь будет освоен. Спустя несколько десятилетий этим путем пойдет В.Т. Шаламов, оставив нам «Колымские рассказы» и сборник стихов «Колымские тетради». В них за размышлениями о жизни и смерти, о добре и зле, о мнимых и подлинных смыслах человеческого существования будет стоять собственный опыт выживания в гулаговском аду, оставленный ныне живущим и их потомкам как выстраданный собственной кровью «документ души» и как личная «пощечина сталинизму» (см.: Поезд Шаламова. Проблемы российского самосознания: судьба и мировоззрение В.Т. Шаламова (к 110-летию со дня рождения). По итогам 14-й Международной научной конференции Института философии РАН с регионами России. М.: Голос, 2017). У Шаламова, свидетеля и жертвы своего времени, будет своя правда о том, у какой последней черты теряется человеческое и в каких глубинах жизни лежит корень вселенского зла – превращение человека в *не-человека*. Его стихи и проза, ставшие ответом страшному лагерному прошлому, вписали свою страницу в философское осмысление антропологической формулы «сущность – существование». Они довели понимание зало-

женной в ней дуальности до осознания катастрофического несоответствия метафизического смысла формулы ее жизненным проявлениям в условиях, когда жизнь становится адом, а смерть – желаемым и сознательно выбираемым избавлением от нее, способом сохранения человеком своей человеческой сути.

В рецензируемой монографии убедительно показано, что, хотя творчество Шаламова и Платонова характеризуют разные литературный язык, художественные приемы и сюжетная фактура (и потому по-разному выраженный критический пафос), главная проблема у них общая, а именно – повседневное существование человека на грани между жизнью и смертью, в которое с неотвратимостью исторической законосообразности его включал социально-культурный опыт страны, лишая его общение с другими каких-либо экзистенциальных смыслов. Их творчество было обращено к самому актуальному вопросу нашего времени: как возможно (и возможно ли) такое обустраивание жизненного пространства, существование в котором соответствует заложенным в человека (Богом, Высшим разумом, Природой) духовно-нравственным смыслам, то есть его *человеческой* сущности. И не важно, что ни у Шаламова, ни у Платонова нет определенного ответа на этот вопрос – важно, что их проза освобождает вопрос от риторики и мифологизации, переводя его осмысление в конкретно-социальный и одновременно фило-софско-экзистенциальный контекст. А что оба писателя мыслили философски, что большая часть их произведений являются не столько литературными, сколько философскими, – это авторы книги не подвергают сомнению.

В этой связи следует сказать еще об одном векторе анализа художественного наследия А. Платонова, реализованном в книге. Он связан с обращением к «героям-смыслам», представленным в главных произведениях писателя жизненным основанием и духовной составляющей мироощущения людей, вовлеченных в процесс строительства нового общества (см.: С.А. Никольский, глава «Героический смысл коммунизма и герои-символы в философской прозе Андрея Платонова», с. 74–175). Анализ творчества Платонова в этом методологическом ключе задал новый ракурс интерпретации социально-культурных последствий социалистического строительства и вызванной им антропологической катастрофы. Авторы обращают внимание, что этот опыт с его жестокостью, произволом и насилием, нашедший в прозе писателя не только всестороннее, но и не искаженное идеологическими предвзятостями отражение, предупреждает человечество о том, что он может повториться и потому его уроки не должны быть забыты. Эти уроки призывают помнить, что гуманистические смыслы человеческого общежития есть всеобщее основание социально-

организованного и культурно-обустроенного пространства для человеческой жизни, что роковой ошибкой является использование коммунистической идеи в качестве организующей формы массового энтузиазма и что еще большей ошибкой является культивирование на ее основе не знающих границ фантазии и фанатизма (см.: С.А. Никольский. Напряженное размышление о жизни. Вместо введения, с. 5–11).

В контексте такой оценки творчества писателя в книге поставлен вопрос об особенностях его прозы и скрытых за ними духовно-нравственных смыслах. С ним оказался внутренне связанным и другой, актуализированный авторами вопрос: создал ли Платонов еще одну фантастику-утопию (антиутопию?), следуя сложившейся в отечественной и зарубежной литературе традиции и законам жанра, требующим специфических способов соотнесения художественной реальности с выбранным идеалом (в данном случае – с идеалом, заложенным в коммунистической идее)? Или придумал «нечто свое», маскирующее собственное отношение к происходящему особыми художественными средствами и особым языком описания реальности, чтобы обойти цензуру с целью выразить свое неприятие того, что реально случилось после Октября 1917 г. в стране, – санкционированных властью противоправных массовых расстрелов, «раскулачивания» на селе, жестоких расправ с «бывшими» и их семьями? Однозначного ответа на этот вопрос в книге нет. Авторы склоняются к мысли, что окончательного ответа и не может быть, потому что данный вопрос имеет не только онтологический, но и экзистенциальный подтекст, связанный с ролью идеала в реализации человеческой потребности в экзистенциальном общении и эмоционально значимых для него коммуникациях, задающих целостность его жизненным устремлениям и его бытию в существующих отчужденных социальных формах общения. Не исключено, что по этой причине Платонов сместил внимание «признания-непризнания» вины в случившемся с идеи коммунизма на руководивших ее реализацией фанатиков, не признававших границ между добром и злом, ломавших сложившиеся устои жизни, не считая жертв и не останавливаясь перед нравственными барьерами.

Но вопрос о том, жестко ли связана реализация коммунистической идеи с обязательным тотальным насилием над человеком и жестокостью и насколько она потерпела крах после попытки такого ее практического воплощения, тоже не имеет однозначного ответа у Платонова. Вероятно, этот факт и стал одной из причин постоянно переживаемой им самим «пограничной ситуации» как писателя и как непосредственного свидетеля происходящих событий. Может быть, именно этот факт, предполагают авторы книги, объясняет, почему заложенные

на уровне теоретического обоснования гуманистические смыслы коммунистической идеи оказались в его прозе фактически трансцендентными по отношению к описанному строительству будущего общества всеобщего социального благополучия. Авторы считают, что (и с этим нельзя не согласиться) созданная по замыслу писателя картина может оцениваться одновременно как приговор попытке воплощения этой идеи в исторически-конкретном опыте конкретной страны и как свидетельство, что она, вдохновлявшая не одно поколение мыслителей и писателей, утратила свою притягательность в качестве умозрительной конструкции и общественного идеала. Но дело в том, следует добавить, что созданная писателем картина социально-культурного опыта несет в себе свои смыслы независимо от того, как писатель лично относился к этому опыту и к самой коммунистической идее, что его проза говорит «сама за себя и от себя». И это требует разведения личной оценки происходивших событий с оценкой, объективно транслируемой созданной художественной реальностью, хотя бесспорно, внутренняя связь между ними есть.

Сказанное, представляется, во многом объясняет выбор Платоновым художественного жанра, являющего собой сплав фантазийности с гротескным изображением происходящих событий (особенно это относится к «Чевенгуру», «Котловану» и «Ювенильному морю»). Описание последних и поведения включенных в них героев (и тех, кто был слепым исполнителем принимаемых «где-то» решений, и тех, кто стал их «проводником»), с одной стороны, очевидно несет черты фантазии, а с другой стороны, предстает гротескным «слепком» с реально-гротескных событий. И это, как справедливо замечает С.С. Неретина, есть уже «гротеск как вполне реальный (не художественный) прием, лежащий в основе «самого феномена коммунизма, помогающий объяснению многих его чудовищных странностей» (с. 37). В итоге грань между фантазией и жизнью оказывается настолько условной, что приходится признать: выбранный писателем жанр есть не фантазия и не реалистическое изображение происходящего, а «реалистическая фантазмагория» (С.А. Никольский), позволяющая представить новую действительность одновременно и «вдохновляюще-невероятной», и «трагически-ужасной». Соотносящийся с ней язык и способ описания реальности (смотреть на нее «со стороны» и одновременно быть лично погруженным в нее) объясняет относительность вопроса об отношении Платонова к коммунистической идее: почему для него она связана и с надеждой на жизнь, свободную от безусловного подчинения ей, и одновременно с сомнением в возможности такой жизни. Но как бы ни звучал этот вопрос для писателя, осознание стоящего за ним противоречия

наполняет его прозу той невыносимой тоской, которая как камертон задает усиленное экзистенциальное звучание всему творчеству, а фантастику делает «убийственной» (С.С. Неретина), в которой привычный для читателя утопический социоцентризм уступает место антиутопическому персонализму.

Рецензируемая книга сразу нашла отклик как у философов, так и у литературоведов. Свидетельством этого стала XVI конференция Института философии РАН с регионами России «Проблемы российского самосознания: “народ жить может, но ему нельзя”». К 120-летию рождения Андрея Платонова», прошедшая при участии Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Института мировой литературы им. М. Горького РАН в сентябре 2019 г. в Москве (см. вышедшую по материалам конференции книгу: Размышляя о Платонове / Ответственный редактор С.А. Никольский. М., Голос, 2019. 276 с.). Широкое обсуждение вызвал предложенный авторами анализ философско-антропологической проблематики прозы Платонова и особенностей описанных им «пограничных ситуаций», рождаемых жизнью человека в нечеловеческих условиях, ставящих человечество перед «концом человечности». Отдельный интерес участники конференции проявили к теме социалистического строительства как к опыту массового использования человеческих сил, константой которого является «смертельная героика нестерпимой мечты», и в этой связи к акцентированному авторами образу «котлована» как символу страшной могилы, безжалостно поглощающей духовно-культурные и людские ресурсы общества. Конференция выявила согласие участников с авторами монографии в том, что художественное творчество А. Платонова антитоталитарно, что описанный им социально-культурный «инжиниринг» таит угрозы исторически сложившимся формам общечеловеческого, предупреждая от возможных его повторений в наши дни, что обсуждение творчества А. Платонова в этой парадигме перспективно и отвечает сегодняшним запросам социального знания и практики.

В заключение отмечу, что монография С.С. Неретиной, С.А. Никольского, В.Н. Поруса представляет собой оригинальное, единое по направленности философского поиска актуальное исследование литературного наследия одного из самых известных и сложных писателей-мыслителей первой половины XX в. Предложенная исследовательская парадигма позволяет убедиться в истинности итогового вывода книги: *проза А. Платонова заявляет о новом модусе философской антропологии.*

Хочется надеяться, и для этого есть все основания, что интерес к творчеству писателя еще долгое время будет сохраняться со стороны как профессионалов (философов, литературоведов,

культурологов, психологов), так и массового читателя и что этому во многом будет способствовать знакомство с рецензируемой книгой.

И.Н. Сиземская

Сиземская Ирина Николаевна – Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН, Москва. sizemskaya@mail.ru

Sizemskaya Irina N. – Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.

DSc in Philosophy, Chief researcher in Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-4-215-218

С.Е. Ячин. Критика аксиологического разума. М.: ИНФРА-М, 2018. 137 с.

Эта книга находится в ряду большого числа современных философских «Критик» (в начале работы автор указывает на некоторые из них): того ряда, начало которому было положено тремя великими «Критиками» И. Канта. Согласно этому основоположнику критической философии, занять критическую позицию означает установить границы, в рамках которых некоторая человеческая способность является действительной и за пределами которой она утрачивают свое значение или силу. В этом смысле задача критического философского исследования ценностей состояла для автора не в том, чтобы отвергнуть право человека оценивать и утверждать свои ценности, но в том, чтобы решить вопрос о границах аксиологической рациональности (как способа обоснования такого права).

Свою критическую аргументацию автор строит на необходимости двух категориальных различениях: блага и ценности, с одной стороны, и смысла и ценности – с другой. Автор отмечает, что сами сторонники универсальной аксиологии не могут не замечать сущностного различия внутри самой категории ценности. В первом случае имеет место различие «объективных» и «субъективных» ценностей (как его обозначают сторонники универсальной аксиологии), а во втором – различие между нейтральным значением (смыслом) символических систем культуры (такой системой, к примеру, является естественный человеческий язык) и системой ценностей данной культуры.

Существенным моментом работы является обращение к опыту античной и средневековой мысли. В эпоху античности, а затем и в христианстве Благо мыслилось как то, что существует само по себе, как то, «что дает жизнь». Соответственно такое Благо следовало принципиально отличать от того, что это «считают за благо». Автор показывает, как это различие представлено в античном и в средневековом понимании (см. с. 24–27). Это понимание радикально изменилось вместе со становлением позиции субъекта в новоевропейской философии, и то, что люди считали за благо, стало покрывать идею блага как «сущего», а прежнее различие Блага и ценности превратилось во внут-

реннее дело различения «объективных» и «субъективных» ценностей (см. с. 37–42). С.Е. Ячин подчеркивает, что в последнем утрачивается акцент на том моменте, что логика отношения человека к «естественным благам жизни» и к субъективным значениям (ценностям), которые он придает этим благам, имеет принципиально разный характер. Различение ценностей внутри субъект-объектного отношения скрывает это различие и приводит к тому, что сторонник идей универсальной аксиологии становится по факту идеологом продвижения некоторых субъективных значений сущего.

В каких границах можно оправдать право на выбор аксиологического подхода так, чтобы определить действительное значение теории ценностей и определить, когда это право «превращается в симуляцию действительного положения вещей» (с. 5)? В рамках такой критической установки автор нацеливает на два направления мысли. Первое – на прояснение обстоятельств, которые поставили человека в позицию субъективной оценки сущего, то есть человек стал все осмысливать в категориях ценности. Второе – на понимание причины, по которой мыслители прошлых эпох не полагали человеческое бытие в категориях ценности и не создавали «онтологий ценности». Инструментом решения поставленных задач является аналитика философии ценности через классический вопрос о Благе, в котором автор видит ключ к пониманию генезиса философии к идее ценности.

Различение Блага и Ценности обосновывается как различение того, что «дает нам жизнь» (Благо) и того, что «мы сами выбираем» (Ценности) (см. с. 8). Автор стоит на позиции, что понятия Блага и Ценности различаются. К Благу человек стремится, как к чему-то преданному, а ценности складываются, формируются самим субъектом. Идея Блага как того, что подлинно существует, зародилась до возникновения идеи и понятия Ценности именно потому, что отвечала изначальному стремлению философии постигнуть всеобъемлющее сущее, которое исторически обозначалось как Истина-Благо, Единое-Благо, Бог-Благо. Процесс формирования Ценности отличается по своей логике